

Д. Р. Р. Толкин

J. R. R. TOLKIEN

Юмбо, король олифантов

Iumbo, or, Ye Kind of Oliphaunt

О природе Юмбо

Natura Iumbonis

Индийский олифант есть крепкая громада,
Бродячая гора, и зверь он величавый.
(Но, что он носит горб, те, кто так полагает,
Его с верблюдом спутают превратно).
Его висячи уши, качаются фланелью,
Он тащит за собой свой гибкий длинный нос,
Меж бивнями из жемчугов эмали белой
Что также применяет, как резиновый шланг-трос,
Иль, как его нужда находит, как и пылесос,
Или трубою он прослужит к случаю,
Чьи страшные фанфары превосходят совершенно
Из головы своей огромной в музыке могучей
Колоколов гул полый или оркестров медных.
Те существа не спорчивы также (как, увы,
Из западных земель соседи музыкальные!);
В стадах траву утопчут на земле они,
Жуют побеги сочные среди слаженных компаний,
Пока листва не станет нежёванной, размятой.

The Indic oliphaunt's a burly lump,
A moving mountain, a majestic mammal
(But those that fancy that he wears a hump
Confuse him incorrectly with the camel).
His pendulous ears they flap about like flannel;
He trails a supple elongated nose
That twixt his tusks of pearly-white enamel
Performs the functions of a rubber hose
Or vacuum cleaner as his needs impose,
Or on occasion serves in trumpet's stead,
Whose fearful fanfares utterly surpass
In mighty music from his monstrous head
The hollow boom of bells or bands of brass.
Nor do these creatures quarrel (as alas!
Do neighbours musical in Western lands);
In congregations do they tramp the grass,
And munch the juicy shoots in friendly bands,
Till not a leaf unmasticated stands.

Один порок угрюмый имеет тем не менее
Душа такая светская: он в остроумье беден,
Его остроты тяжки, к закону Магомета
Он любит, и, хоть жажду он за троих имеет,
Своё нутро обширное он заполняет с чаем.
Но трезвые так зло не избегают, верно,
И утверждают авторы весомые, что тайно
Берет себе он зелье, чем виноград, смертельней,
С чем шутка кокаин безвредная в сравненьи.

Он корень мандрагоры претёмный, вредоносный
Жует со вкусом тайным и нечестивым,
Иным пренебрегая лечебным промыслом
(Как моли иль бессмертником, а также терпентином).
Не спешно протекая, те дьявольские соки
С безумьем наполняют резким вены его вялые,
Всецело смерть меняя, естество его простое
В ягненка-великана, резвящегося в радости
И в василиска бробдинггегского в неадекватности.

This social soul one unconivial flaw
Has nonetheless: he's poor in repartee,
His jests are heavy, for Mohammed's law
He loves, and though he has the thirst of three,
His vast interior he fills with tea.
Not thus do water-drinkers vice escape,
And weighty authors state that privily
He takes a drug, more deadly than the grape,
Compared with which cocaine's a harmless jape.

The dark mandragora's unwholesome root
He chews with relish secret and unholy,
Despising other pharmaceutic loot
(As terebinth, athanasie, or moly).
Those diabolic juices coursing slowly
Do fill his sluggish veins with sudden madness,
Changing his grave and simple nature wholly
To a lamb titanic capering in gladness,
A brobdingnagian basilisk in badness.

Пустевшие пространства его главы свободной
Свирепыми огнями опьянения заполняются;
Не сносят больше ноги его самоконтроля,
Но в чуждом избавлении отвязано скитаются.
Тогда ужасный страх среди его экстаза
Пробудиться в нем так, что кувырком летит
Плашмя без всякого к подъему аппарата,
Ударить чтобы слабо, упавши вниз, он вмиг,
С ногами воздух жирными и ненормальными.

Упросит коль свои конечности, тогда спешит к воде
Какой-нибудь глубокой тихой он иль в темный пруд,
(Что прячется иль плавает, нет топей крокодила где).
И он стоит там. Нет! Не лоб чтоб охладить тут,
Но думая, дурак, что он упасть не может
Там, жиром живота всплыв, как буй, и остальным.
Как правило, воды коль не нашел он всё же,
Ударами по тверди слепо спотыкается навзрыд
И в села он вторгается со звуком громовым.

Коль на удар его зверской найдется чей-то дом,
Постигнет тогда горе – в кучу он сомнет его,
Смешаются его жильцы в сгустившийся тот ком,
Лепешкой, среди сна неосторожного не ждав того.
Когда вконец усталый, словно всякая овца,
Безвольный

The vacuous spaces of his empty head
Are filled with fires of fell intoxication;
His legs endure no longer to be led,
But wander free in strange emancipation.
Then frightful fear amid his exaltation
Awakes within him lest he tumble flat,
For apparatus none for levitation
Has he, who falling down must feebly bat
The air with legs inadequate and fat.

Then does he haste, if he can coax his limbs,
To some deep silent water or dark pool
(Where no reptilian mugger lurks or swims)
And there he stands – no! not his brow to cool,
But thinking that he cannot fall; the fool,
Buoyed by his belly adipose and round.
Yet if he find no water, as a rule,
He blindly blunders thumping o'er the ground,
And villages invades with thunderous sound.

If any house oppose his brutish bump,
Then woe betide – it crumples in a heap,
Its inmates jumbled in a jellied lump
Pulped unexpected in imprudent sleep.
When tired at last, as tame as any sheep

Или изнуренный пони, сладкий сон пожаждет он,
На индском древе, как змей ползновения, чьи корни
Как раз растут обхватом преогромным на объем,
На чем прислонит массу усталую свою и сон.

В рывке неожиданном грёза так его не завершится -
Он думает. Надежды каковы! Всё ловчим хорошо,
Знакомым с его мелкими привычками, укрывшихся
Внизу в тени анчанной; опаснейший обман назло
Олифанту те планируют и похоронный звон.
С пилами те срежут весь ствол почти дотла,
Тогда его прехитро подопрут, что не замолвит он,
Пока к нему не вверит вес он свой, несчастная душа -
Всё это сдаст и словит его в бедствие весьма.

Означенное:

Доктрину, что те факты доносят нам премрачные,
Едва ли нужно указать, не можем крыть очами
Факт, что ученью Магомета следует немало,
Хотя обычно всюду полагают христиане,
Что для распитья чистая вода едва ль пригодна.
Не делается музыкой иль угощением застолье,
Но лишь вином и изобильем их. И кроют люди очи
На шалость и дурачества (хоть контролируют весьма
ль),

Or jaded nag, he longs for sweet repose,
In Ind a tree, whose roots like serpents creep,
Of girth gigantic opportunely grows,
Whereon to lean his weary bulk and doze.

Thus will his dreams not end in sudden jerk,
He thinks. What hopes! For hunters all to well
Acquainted with his little habits lurk
Beneath the Upus' shade; a nasty sell
For Oliphas they plan, his funeral knell.
With saws they wellnigh sever all the bole,
Then cunning prop it, that he may not tell,
Until thereto he trusts his weight, poor soul—
It all gives way and lands him in a hole.

Significacio.

The doctrine that these mournful facts propound
Needs scarcely pointing, yet we cannot blink
The fact that some still follow base Mahound,
Though Christian people universally think
That water neat is hardly fit to drink.
Not music nor fat feeding make a feast
But wine, and plenty of it. Good men wink
At fun and frolic (though too well policed)

Когда невинно орошены или хмельны слегка;

Но те, чей корень бешенства наркотики, не питье
тому,

Должны быть схвачены немедля и брошены в
тюрьму.

ФИЗИОЛОГУС

When mildly canned or innocently greased;

But those whose frenzy's root is drugs not drink

Should promptly be suppressed and popped in clink.

FISIOLOGVS.

Перевод Булата Асатуллина